

МНОГОСТОРОННИЕ ПОДХОДЫ К ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ: ПЛАНИРУЯ СЛЕДУЮЩИЕ ШАГИ

Ядерное разоружение – одна из самых горячих тем 2009 г. Чем глубже эта тема обсуждается на переговорах, тем сильнее приходит понимание того, что ядерное разоружение – многосторонний процесс как в плане участников, которые должны подключаться к процессу переговоров и конкретных действий, так и в плане аспектов, которые данный процесс должен в себя включать. На сегодняшний день уже имеются определенные пункты в повестке дня для ближайшей перспективы – договор по СНВ между Россией и США, Конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г., ратификация ДВЗЯИ. Что дальше? Какими могут быть следующие шаги в процессе ядерного разоружения? На что страны готовы пойти далее, а на что нет?

На эти вопросы отвечают участники дискуссии: Посол, директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ А.И. **Антонов**, первый секретарь Посольства Норвегии в Москве Кари Екен **Воллебек**, генерал-лейтенант (в отставке), старший вице-президент ПИР-Центра Г.М. **Евстафьев**, Посол, директор Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации *Росатом* М.Н. **Лысенко**, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета А.А. **Малыгина**, директор Центра изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина Монтерейского института международных исследований (США) Уильям **Поттер**, советник начальника Генерального Штаба ВС РФ А.В. **Радчук**, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Председатель Совета ПИР-Центра Р.М. **Тимербаев** и директор Департамента евразийских исследований, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* (Индия) Нандан **Ункришнан**¹.

УИЛЬЯМ ПОТТЕР (МОНТЕРЕЙСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ): Для ядерного разоружения и нераспространения настали одновременно и самые лучшие, и самые худшие времена. Лучшие в плане нового политического климата в области разоружения, образовавшегося во многом благодаря приходу к власти новой администрации в Вашингтоне, а также благодаря инициативе Джорджа Шульца, Уильяма Перри, Генри Киссинджера и Сэма Нанна. Эта инициатива положила начало серьезному обсуждению возможностей разоружения. Но времена при этом сейчас и самые худшие в плане количества новых и старых ядерных угроз, которые стоят перед нами. При этом одну из самых серьезных угроз представляют негосударственные образования.

3 мая 2010 г. в Нью-Йорке начнется четырехнедельная Конференция по рассмотрению действия ДНЯО. Предыдущая конференция (2005 г.) закончилась полным провалом: делегаты посвятили большую часть своего времени и усилий спорам относительно повестки дня, и в результате никаких значительных договоренностей достигнуто не было. И хотя с тех пор многое изменилось, все равно нет никакой уверенности в том, что на Конференции 2010 г. удастся добиться серьезного прогресса в области разоруже-

ния. Основные факторы следующие: степень осознания ключевыми государственными игроками основных угроз ДНЯО и их собственной национальной безопасности; гибкость позиции во время переговоров, которую страны готовы продемонстрировать вследствие осознания этих угроз; готовность отдельных государств идти против воли подавляющего большинства стран и препятствовать достижению консенсуса; присутствие политической группировки, которая бы послужила мостом между ядерными и безъядерными государствами для нахождения точек соприкосновения по неотложным проблемам ядерного распространения, мирного использования атома и вопросам разоружения; готовность государственных игроков уделить особое внимание региональным вопросам безопасности, особенно на Ближнем Востоке; готовность таких групп, как постоянные члены Совета Безопасности ООН, Евросоюз и Движение неприсоединения, выступить в качестве конструктивных коалиций по поиску взаимопонимания в вопросах нераспространения, мирного использования атома и разоружения или, наоборот, тормозить прогресс и в лучшем случае работать по принципу наименьшего общего знаменателя; способность США и России добиться прогресса в переговорах по сокращению стратегических вооружений.

Так, на конференции в 2000 г. многие ключевые государства осознали, что договор находится в серьезной опасности, и заняли гибкую позицию, которая позволила достичь консенсуса по 13 практическим шагам. Правительство США в то время заняло очень мудрую позицию: поскольку предложения Коалиции новой повестки дня были для США на 95% приемлемы, Вашингтон эти предложения решил поддержать – при этом понимая, что возражения могут последовать со стороны остальных ядерных государств. В результате во время той конференции Соединенные Штаты почти всегда были на стороне большинства, тогда как Китай, Россия и Франция часто оказывались в изоляции и в неприятном положении меньшинства, которое сопротивляется предложениям по разоружению, поддержанным большинством участников. В свою очередь, коалиции тогда удалось смягчить довольно жесткую позицию, занятую некоторыми членами Движения неприсоединения, и найти точки соприкосновения между ядерными и безъядерными государствами.

Еще одним ключевым фактором, способствовавшим успеху конференции 2000 г., стало сделанное постоянными членами СБ ООН в самом начале конференции предложение снять с повестки дня наиболее спорный вопрос – противоракетную оборону. Благодаря такой позиции постоянных членов СБ ООН конференция прошла гладко и закончилась принятием ряда важных решений по разоружению, нераспространению, мирному использованию атома и укреплению самого процесса рассмотрения действия ДНЯО.

А вот в 2005 г. многие страны вовсе не стремились к достижению каких-либо соглашений во время конференции. Это касается в первую очередь Ирана, однако то же самое можно сказать о Соединенных Штатах и Египте: оба государства часто занимали obstructивную позицию. В результате большие трудности возникли уже во время согласования повестки дня, не говоря уже о достижении каких-либо значимых договоренностей.

В связи с этим завершившаяся в мае 2009 г. сессия Подготовительного комитета к Конференции по рассмотрению действия ДНЯО дает определенный повод надеяться, что в 2010 г. участники займут более гибкую позицию. Радует то, что была согласована повестка конференции, а участники вели себя в основном конструктивно. Многие страны с особым удовольствием восприняли менее полемическую и более гибкую позицию делегации США, которую возглавляла Роуз Геттемюллер. Вклад в подготовительную конференцию Великобритании и России

тоже был воспринят как в целом конструктивный. К сожалению, нельзя сказать того же о Китае и Франции, которые, по-видимому, решили играть роль ядерных скептиков. К примеру, Франция делала все от нее зависящее, чтобы заблокировать принятие повестки дня.

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

А выступления французской делегации по разным вопросам продемонстрировали, что Париж далеко не в восторге от новой американской инициативы о стремлении к безъядерному миру. В связи с этим можно предположить, что заручиться поддержкой Франции по многим передовым предложениям, нацеленным на достижение значительного прогресса в вопросах разоружения на конференции 2010 г., будет сложно. Крайне осторожно вела себя на подготовительной конференции и китайская делегация, которая либо не желала, либо не была готова обсуждать серьезные предложения. Государства ядерного клуба больше не могут рассчитывать на то, что США будут блокировать большинство инициатив по разоружению, и поэтому государства эти могут оказаться в неприятной ситуации, если такие инициативы будут вынесены на обсуждение. Наиболее проблемными для России могут оказаться предложения по дальнейшему сокращению нестратегического ядерного оружия в продолжение инициатив, содержащихся в подписанной на конференции 2000 г. заключительной декларации.

Несомненно, что в мире с большой надеждой ожидают подписания Россией и США еще до начала конференции договора, который заменил бы договор СНВ. Если такой договор будет подписан, то делу разоружения будет придан значительный импульс. Если же российско-американские переговоры застопорятся из-за разногласий по вопросам противоракетной обороны или других технических моментов, то это будет воспринято как серьезное поражение для дела разоружения и поставит под вопрос и другие инициативы в данной области. Поэтому российско-американский переговорный процесс по разоружению является индикатором перспектив серьезного сокращения вооружений в глобальном масштабе. Это процесс может либо придать уверенности в перспективах разоружения, либо продемонстрировать, что конкретных дел за словами, скорее всего, не последует. Поэтому значение результата российско-американских переговоров выйдет далеко за рамки двусторонних отношений.

По той же логике, если администрации Барака Обамы удастся провести ратификацию ДВЗЯИ через Конгресс до открытия конференции, это станет серьезной победой для дела разоружения и укрепления ДНЯО. Вряд ли администрации удастся раздобыть недостающие для ратификации голоса до майской конференции. Хотя, к примеру, в своей речи в Сенате 3 июля сенатор Джон Маккейн довольно позитивно отозвался о ДВЗЯИ. Для ратификации договора поддержка со стороны Маккейна, а также сенатора Ричарда Лугара является крайне важным условием. Администрации Барака Обамы следовало бы немедленно заручиться поддержкой сенатора Лугара, чтобы тот сыграл роль межпартийного лидера в процессе ратификации.

Очень спорным вопросом, который наверняка будет поднят на следующей конференции, станет выполнение (вернее, отсутствие выполнения) резолюции по Ближнему Востоку, принятой на конференции 1995 г. Египет наверняка сделает серьезное рассмотрение этого вопроса необходимым условием для достижения прогресса по всем остальным пунктам повестки дня. В связи с этим весьма удивительно то, что, добившись своего относительно формулировок по ближневосточному вопросу во время подготовительной конференции, Египет, тем не менее, не стал добиваться принятия пересмотренных рекомендаций, предложенных председателем, из-за своих возражений по некоторым другим вопросам разоружения.

На предыдущих конференциях основные дебаты обычно разворачивались по вопросам разоружения. Однако в связи с новым курсом на разоружение, взятым администрацией Барака Обамы, складывается впечатление, что на это раз труднее всего будет найти взаимопонимание по вопросам мирного использования атома. В настоящее время между ядерными государствами и странами Движения неприсоединения лежит огромная пропасть во взглядах на предотвращение распространения чувствительных технологий топливного цикла, роль гарантий по топливу, Дополнительный протокол и прочие инициативы в области нераспространения, которые неприсоединившиеся страны считают нарушением их *неотъемлемых прав* на мирное использование атома. Нужно постараться лучше понять точку зрения неприсоединившихся стран и вовлечь большее количество представителей этого блока в процесс нераспространения. Без этого добиться какого-либо

прогресса в вопросах разоружения, нераспространения, мирного использования атома и предотвращения ядерного терроризма будет практически невозможно.

Хочется верить, что постоянные члены СБ ООН сыграют в 2010 г. более конструктивную роль, чем в 2005 г. Достичь между собой консенсуса этим пяти странам будет нелегко. Однако очень позитивную роль сыграло бы их совместное заявление на такие темы, как юридически обязывающие негативные гарантии безопасности, уменьшение роли ядерного оружия в доктринах национальной безопасности, а также согласование дорожной карты по внедрению ближневосточной резолюции 1995 г. Такое заявление очень помогло бы заручиться поддержкой многих безъядерных государств по вопросам, представляющим важность для государств ядерного клуба. Это и выполнение Резолюции 1540 СБ ООН (а также других мер по борьбе с терроризмом), и всеобщее принятие Дополнительного протокола, а также принятие предложений по многонациональным системам поставок ядерного топлива, таким как создание банка топлива, предложенное Инициативой по сокращению ядерной угрозы, и российские предложения по созданию Международного центра по обогащению урана в Ангарске.

Кроме того, одним из наиболее успешных подходов к разоружению и нераспространению является образование безъядерных зон, хотя этому подходу в последние годы не уделялось особого внимания. Сегодня практически все южное полушарие является зоной, свободной от ядерного оружия. А со вступлением в силу соглашения о центрально-азиатской безъядерной зоне 21 марта 2009 г. такие зоны имеются теперь и в северном полушарии. В ближайшем будущем ожидается вступление в силу и соглашения о безъядерной зоне в Африке, поскольку ратифицировать его осталось лишь одной стране. Единственное, чего недостает этим зонам, – так это поддержки со стороны ядерных государств, а именно подписания этими государствами протоколов, предоставляющих странам-участницам негативные гарантии безопасности.

Важным, но далеко не в полной мере используемым инструментом продвижения инициатив по разоружению и нераспространению является образование. Во многом благодаря усилиям со стороны Японии этот вопрос стал частью процесса рассмотрения действия ДНЯО, где он получил широкую и всестороннюю поддержку. Практически все стороны поддерживают общую концепцию образования в области разоружения и нераспространения. Тем не менее, пока нет особых успехов в переходе от общей поддержки к каким-то конкретным действиям.

А.В. РАДЧУК (ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ВС РФ): Почти четыре десятилетия сокращение ядерных вооружений было делом двух стран – СССР/РФ и США. Череда двусторонних соглашений в этой области, которая началась в 1972 г. и предположительно продолжится, приучила практически весь мир к тому, что эти две державы, у которых больше всех ядерного оружия, и отвечают за процесс ядерного разоружения. А все остальные к ним подключатся, может быть, когда-нибудь потом, когда эти две страны достигнут каких-то определенных параметров. За время, которое этот процесс двустороннего сокращения идет, ядерные арсеналы России и США сократились практически в пять раз. О том, каковы взгляды и позиции России и США и каково состояние дел, было сказано уже достаточно. Однако мы до сих пор не имеем в полной мере официально заявленной позиции США по новому соглашению так, как это сделал недавно президент России.

Необходимо также учитывать тот факт, что в настоящее время ведется разработка обзора состояния ядерной политики в США, которая должна определить реальную стратегию США в этой области. Ее принятие и утверждение намечено примерно на начало 2010 г. Но в разгар мирового экономического кризиса задачи в области финансов и экономики и другие экономические вопросы, казалось бы, должны интересовать мировое сообщество куда больше. Но как бы его ни отодвигали на второй план, вопрос ядерного разоружения опять оказался в центре внимания.

Прежде всего, это связано с традиционными опасениями, что Россия и США, как и в годы холодной войны, могут прийти к ядерному конфликту с катастрофическими последствиями. Или это связано с такой же уже традиционной привычкой, что именно вопросы взаимодействия в сфере СНВ *вытащат* и все вопросы двусторонних, а затем и мировых

взаимоотношений. А может быть – это надежда на то, что новое соглашение, новые параметры позволят каким-то образом вовлечь другие ядерные страны в процесс ядерного разоружения. Вряд ли на эти вопросы можно ответить однозначно. Поэтому все сегодняшние программы перехода к безъядерному миру, к *ядерному нулю* выглядят достаточно схоластично и умозрительно. Вероятно, потому, что не решают сути проблемы. Проблема той, что до сих пор в современном мире ядерное оружие как крайнее воплощение военной мощи, в частности, и мощи государства вообще, является все еще самым надежным гарантом безопасности. При этом сегодня, когда настали те самые изменения, по образному выражению Элвина Тоффлера, *третья волна* цивилизационного развития, нет ответа и на другой вопрос, без которого нельзя говорить о перспективах ядерного разоружения, – чем же является ядерное оружие сегодня? Это лишь самовоплощение военной мощи, самое грозное и самое мощное, либо это только слабый прототип оружия будущего, как бы переходная ступенька к новому, более страшному и более могущественному оружию. И самое главное – исчерпали ли себя вообще военные способы обеспечения национальной безопасности и разрешения межгосударственных конфликтов? А если нет, то останется ли ядерное оружие и ядерное сдерживание эффективным способом разрешения этих противоречий? Или же оно уйдет вообще из арсенала средств конкурентной борьбы?

Следует признать тот факт, что в течение шести десятилетий существование ядерного оружия обеспечивало глобальный мир. При этом, хоть и весьма специфически, оно работает и сегодня. И это показывает пример Северной Кореи и Ирана, для которых наличие ядерных программ (у Северной Кореи это вылилось в материальное воплощение ядерной программы, а у Ирана пока, по мнению многих, программа вполне умозрительная) является работоспособным инструментом обеспечения своей безопасности или, по крайней мере, средством вовлечения в более-менее конструктивный диалог. Ведь именно это привело к тому, что силового воздействия на эти страны нет. Ведь если бы у Саддама Хусейна было оружие массового уничтожения, не говоря уже о ядерном оружии, вряд ли бы состоялись войны в Персидском заливе. И у Югославии, как все знают, ядерного оружия не было.

По этой причине возникают проблемы и с ДНЯО, и с другими разоруженческими процессами. Но, несмотря на все эти проблемы, разоруженческий процесс пошел. И совсем недавно активизировался. При этом всплеск интереса к идеям безъядерного мира произошел в тот момент, когда на смену ядерному оружию пришло новое высокоточное эффективное оружие, способное решать задачи региональных конфликтов. Почему на смену? Кадры репортажей *CNN*, на которых умные высокоточные крылатые ракеты влетают в форточку окна диктатора, решая вопросы смены режима, внесения демократии в конфликтный регион, выглядят гораздо гуманнее, чем фотографии разрушенных ядерным взрывом Хиросимы и Нагасаки. Несомненно, прогресс есть. Результат перехода от *ядерной кувалды* к *конвенциональному скальпелю* тот же самый: цели и задачи те же, хотя способы различные. При этом интересно, что государства, осуществившие этот переход в сфере инструментария военной силы, во многом сохраняют старые подходы в целеполагании.

Предложение ускорить движение к безъядерному миру заставляет задуматься о результатах такого перехода. Если вспомнить предложение президента Рональда Рейгана о ядерном разоружении, его можно сформулировать следующими тезисами: национальная безопасность не должна зависеть от ядерного оружия, необходимо осознать переход от системы ограничения вооружений к ядерному разоружению, система ПРО является ключом к ликвидации ядерного оружия, необходимо отказаться от доктрин затяжной ядерной войны. Хорошие идеи. Допустим, они воплотились в жизнь. Все это реализовано сегодня тем или иным способом. Однако последствия этого воплощения могут быть различные. Это зависит именно от целеполагания.

От чего же должна зависеть национальная безопасность? От международных механизмов, но они сегодня не работают или работают недостаточно эффективно и избирательно. И до сих пор самым надежным инструментом защиты себя является военная сила. Система ПРО действительно является ключом в этом плане. Но она может работать

как средство для борьбы с носителями не только ядерного оружия, но и обычного оружия, а также является вполне эффективным средством контроля космического пространства. А тот, кто контролирует космос в XXI в., будет контролировать весь мир.

К чему приведет отказ от затяжной ядерной войны? Конечно, если он приведет к отказу от войны вообще, то это будет замечательно. А если, наоборот, к молниеносным точечным микроядерным ударам? А некоторые подобные соображения во время войны в Персидском заливе проскальзывали в прессе. И все это может происходить под прикрытием того самого умного высокоточного оружия, и все это в едином информационно-управляемом пространстве. Но, несмотря на этот довольно тяжелый оперативно-стратегический фон и проблемы, идея назрела, она прорывается то здесь, то там. Фактическая активизация этого процесса началась в январе 2007 г. со знаменитой статьи четырех уважаемых американских авторов, затем было множество выступлений политиков, экспертов, специалистов, обсуждения на конференциях, в прессе. И вот, наконец, в июне 2009 г. генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун выступил с посланием по случаю подготовки к международному дню мира и объявил о начале кампании под названием «Мы должны избавиться от оружия массового уничтожения». Пан Ги Мун заявил, что без энергичных мер человечеству будут продолжать угрожать запасы ядерных вооружений. Правда, так до сих пор и не решена та самая дилемма о том, что же первично, а что вторично: угроза человечеству от ядерного оружия либо наличие угроз человечеству вообще, которое вызывает возникновение и появление ядерного оружия?

Можно сказать, что Россия и США пока свою часть дороги к ядерному разоружению прошли, и не просто прошли, а сформировали определенную дорожную карту этого движения. Поэтому процесс ядерного разоружения в дальнейшем зависит от того, когда на эту дорогу выйдут другие ядерные государства. Судя по нашему сегодняшнему обсуждению, ядерные страны понимают необходимость подобных дорожных карт, у них есть видение подходов к этому процессу. И существует надежда на то, что эти дорожные карты, которые пока нарисованы на маленьких отдельных листиках, в конце концов, сложатся в один толстый и всеобъемлющий атлас, который действительно покажет человечеству дорогу к безъядерному миру и к миру на нашей планете вообще.

КАРИ ЕКЕН ВОЛЛЕБЕК (ПОСОЛЬСТВО НОРВЕГИИ): Норвегия исповедует принцип эффективной многосторонней политики. Ядерное разоружение стоит в нашей повестке дня очень высоко.

Безъядерный мир еще со времен холодной войны является целью норвежской внешней политики. Эта цель вновь получила свое подтверждение в программе действий правительства в области разоружения и нераспространения, поданной в 2008 г. в норвежский парламент. Конечная цель Норвегии – максимальный уровень безопасности для всех при минимально возможном уровне вооружений.

Положительный импульс, приданный делу ядерного разоружения окончанием холодной войны, сделал возможным продление действия ДНЯО на неопределенный срок в 1995 г. Этот импульс также помог достичь согласия по 13 шагам к полному разоружению на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2000 г.

К настоящему времени этот положительный импульс оказался утерян в связи с рядом проблем, в том числе в связи с ядерными амбициями Ирана и Северной Кореи, угрозой ядерного терроризма, отсутствием прогресса в переговорах по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ) и задержкой с ратификацией Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний рядом государств.

Существует надежда, что сейчас наступил поворотный момент. Действующие и отставные государственные деятели нескольких стран призвали к возобновлению усилий, направленных на полное уничтожение ядерного оружия. Важным сигналом послужило совместное заявление, сделанное 1 апреля 2009 г. президентами Бараком Обамой и Д.А. Медведевым. Президенты двух крупнейших ядерных держав взяли на себя обязательство возглавить процесс сокращения имеющихся на планете ядерных вооруже-

ний. Весьма положительным сигналом является и то, что Российская Федерация и Соединенные Штаты ведут переговоры по подписанию нового юридически обязывающего договора на замену Договору СНВ.

Крайне важно, чтобы лидеры всех стран мира приняли личное участие в процессе ядерного разоружения и работали на достижение цели безъядерного мира. Эту цель они должны рассматривать как национальный приоритет.

Государственные лидеры должны вовлечь в этот процесс все заинтересованные стороны, включая и все население своих стран. Более того, разоружение лежит на стыке многих дисциплин, поэтому лидеры должны привлечь экспертов из всех соответствующих областей, включая науку, дипломатию, политику, юриспруденцию и военное дело.

Обнадеживает тот факт, что США и Россия взяли на себя обязательство значительно сократить количество ядерного оружия на планете. Необходимо также вовлечь Китай и другие страны, обладающие ядерным оружием, в стратегический диалог с целью выработки коллективного подхода к ядерной безопасности.

Чтобы проложить дорогу к еще более глубоким сокращениям, безъядерные государства должны сотрудничать с ядерными в разработке верификационных технологий. Ядерные государства должны воспользоваться возможностью продемонстрировать эти технологии. С этой целью Норвегия установила партнерские отношения с Великобританией и центром верификационных технологий *Vertic*. Целью такого партнерства является разработка систем, которые бы позволили проконтролировать соблюдение договоренностей по разоружению, не разглашая при этом секретную информацию.

Еще одним важным вкладом в дело ядерного разоружения является уменьшение собственной зависимости ядерных государств от этого оружия.

Полезным шагом со стороны ядерных государств стало бы также принятие мер, направленных на увеличение времени принятия решения перед применением ядерного оружия, а также других шагов, направленных на укрепление стратегической стабильности.

Чтобы предотвратить новую гонку ядерных вооружений, крайне важно добиться вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Пока договор не вступил в силу, необходимо укреплять существующий мораторий на ядерные испытания. Каждое из государств, которое в прошлом проводило ядерные испытания, должно взять на себя обязательство не возобновлять испытания первым. В Норвегии надеются, что США как можно скорее ратифицируют ДВЗЯИ.

Чрезвычайно важным для дела разоружения и предотвращения ядерного распространения является Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ). Кроме начала переговоров по ЗПРМ, международное сообщество должно рассмотреть возможность создания добровольной Инициативы по контролю за расщепляющимися материалами (ИКРМ) с целью укрепления безопасности и прозрачности всех ядерных материалов, включая и те, на которые может не распространяться договор ЗПРМ. Норвегию обнадеживает решение Конференции по разоружению о начале переговоров по контролируемому ЗПРМ.

Образование региональных безъядерных зон является важным вкладом безъядерных государств в достижение цели полного уничтожения ядерного оружия. Норвегия финансирует проект одного южноафриканского института по обеспечению присоединения последних оставшихся государств к Пелиндабскому договору, после чего он сможет вступить в силу.

Для полного уничтожения ядерного оружия требуется создание надежного и заслуживающего доверия режима нераспространения. Все государства, которые пока не присоединились к Соглашению о всеобъемлющих гарантиях и Дополнительному протоколу, должны это сделать. Кроме того, им следует подписать, ратифицировать и выполнить все многосторонние соглашения в данной области для укрепления безопасности собственных ядерных материалов. Мы должны закрыть оставшиеся лазейки и предоставить дополнительные полномочия МАГАТЭ.

Чтобы предотвратить ужасающую перспективу ядерного терроризма, всем государствам, обладающим ядерным оружием, следует предпринять все необходимые меры, чтобы предотвратить попадание этого оружия в руки террористов.

Мы должны поставить перед собой цель создания недискриминационной системы поставок ядерного топлива. Эта работа должна проводиться в тесном сотрудничестве с МАГАТЭ. В связи с этим необходимо наладить серьезный и постоянный диалог между производителями и потребителями для того, чтобы потребители могли заявить о своих потребностях, а производители, в свою очередь, имели возможность соответствующим образом выстроить систему поставок и стимулов. Норвегия пообещала предоставить финансовую поддержку программе создания банка ядерного топлива под эгидой МАГАТЭ. Норвегия также заявила о своей поддержке российских предложений по созданию запасов низкообогащенного урана и немецких предложений по многостороннему проекту создания заказника по обогащению. Эти три предложения являются совместимыми и дополняют друг друга.

На Международной конференции по ядерному разоружению в Осло, прошедшей 26–27 февраля 2008 г., была высказана идея создания на высоком уровне широкой Межправительственной группы экспертов по ядерному разоружению по аналогии с Межправительственной группой экспертов по изменению климата. Эта группа могла бы предоставлять правительствам консультации по ключевым моментам программы полного уничтожения ядерного оружия.

Конференция 2005 г. была неудачной. Международное сообщество сейчас стоит на распутье. Если и конференция 2010 г. окончится провалом, мы столкнемся с риском постепенного развала ДНЯО. Это подорвет нашу общую безопасность. Поэтому успех конференции 2010 г. стал бы крайне важным многосторонним шагом к ядерному разоружению.

Есть определенный повод для оптимизма. На подготовительной конференции в Нью-Йорке в мае 2009 г. царил позитивная атмосфера, и все процедурные вопросы были согласованы.

Основной задачей конференции в 2010 г. станет восстановление широкого взаимопонимания по вопросам сведения к минимуму ядерных рисков и обеспечения возможности мирного применения атома в более безопасном мире, свободном от ядерного оружия. На конференции нужно будет согласовать программу действий до 2015 г. и перспективные шаги на более отдаленное будущее.

Чтобы добиться успеха, все государства – участники ДНЯО должны выполнить свои договорные обязательства. Все три столпа режима нераспространения являются тесно взаимосвязанными. Нельзя выбирать только те из них, которые нам больше подходят. Полного ядерного разоружения можно добиться только при наличии полной уверенности в том, что никто не сможет обойти режим нераспространения.

Шаги по укреплению режима нераспространения можно будет предпринять только после запуска недвусмысленного и необратимого процесса, конечной целью которого является полное уничтожение ядерных арсеналов. Укрепленный режим нераспространения также должен способствовать мирному использованию атома.

Чтобы добиться успеха в 2010 г., необходимо продемонстрировать новый подход. Нужно наводить мосты, налаживать диалог между региональными группировками и преодолевать прошлые разногласия. Процесс нераспространения не следует рассматривать как игру с нулевой суммой. Результат конференции 2010 г. должен стать победой для всех.

Существует риск постепенного развала режима нераспространения, однако у нас есть выбор. Международное сообщество должно консолидировать и укрепить этот режим, а также предпринять многосторонние шаги к ядерному разоружению. Норвегия надеется на то, что международное сообщество не упустит этой возможности.

А.И. АНТОНОВ (ДВБР МИД РФ): Первые слова заявления президента России Д.А. Медведева от 20 июня 2009 г. таковы: «Большинство стран выступают сегодня за мир без ядерного оружия. Россия разделяет эту благородную цель». Примечательно, что это уже второй раз за последние три месяца, когда российский президент обращается к идее мира, свободного от ядерного оружия. Впервые заявление Д.А. Медведева по ядерному разоружению было оглашено 7 марта 2009 г. на Конференции по разоружению министром иностранных дел России С.В. Лавровым. Как представляется в обращении президента России, явно видно стремление нашего государства исправить сегодняшнюю ситуацию в области стратегической стабильности, укрепить безопасность всех государств, улучшить межгосударственное общение, повысить степень доверия между странами.

За последние годы международная безопасность испытывает потрясения со стороны прежних и современных вызовов. Окончание холодной войны не сделало мир более безопасным. Сохраняется высокая степень недоверия между странами, а ядерный выбор многими рассматривается в качестве наиболее эффективного средства обеспечения национальной безопасности, инструмента повышения своего политического веса в мире.

Какова сегодня ситуация в области ядерного разоружения? Отрицать значительные успехи было бы несправедливо. Что касается России, она полностью и со значительным опережением графика выполняет свои международные обязательства. Еще в 2001 г. были достигнуты потолки по сокращению стратегических носителей и засчитываемых за ними ядерных боезарядов, установленные Договором о СНВ. Важнейшим вкладом по вопросам разоружения остается бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), в соответствии с которым полностью уничтожены два класса таких вооружений наземного базирования. Успешно идет реализация Договора о СНП.

Сегодня многие планы по ядерному разоружению – например, Обзорная конференция 2000 г. по ДНЯО (это была последняя конференция, где было принято решение об укреплении Договора) – остались невыполненными. На сегодняшний день нет Договора по ПРО, Договор СНВ-2 так и не вступил в силу, далеко пока до вступления в силу ДВЗЯИ, не только не закончились, как это предусмотрено Обзорной конференцией 2000 г., но даже не начались переговоры о ЗПРМ.

Сложность ситуации осознают во всех уголках мира, поэтому не случайно, что в последнее время выдвигается все больше инициатив в области полного ядерного разоружения, как, например, *Гуверская инициатива*, Инициатива по глобальному ядерному нулю, Комиссия «Эванс-Кавагути» и т.д. Мы приветствуем любые конструктивные шаги, способные вывести разоруженческий процесс из затянувшегося кризиса. При этом главное в нашем понимании – это создание благоприятной международной атмосферы для полного отказа от ядерного оружия в условиях укрепления стратегической стабильности при соблюдении принципа ненападения и безопасности для всех.

Столь масштабная цель, как достижение *ядерного нуля*, может рассматриваться только в неразрывной связи с решением других международных проблем, включая урегулирование региональных конфликтов, надежное обеспечение жизнеспособности ключевых разоруженческих и нераспространенческих инструментов, вывод всего ядерного оружия с территорий стран, им обладающих, отказ от одностороннего развертывания глобальных систем ПРО, предотвращение размещения оружия в космосе, а также контролируемое прекращение гонки обычных вооружений.

Несомненно, что стержневую роль в процессе ядерного разоружения играют российско-американские соглашения по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений. Основопологающий в данной области Договор по СНВ между СССР и США от 1991 г., который истекает 5 декабря 2009 г., своей цели полностью достиг. Поэтому в настоящий момент мы делаем акцент на выработке новой юридически обязывающей договоренности о понижении разрешенных потолков СНВ, которое по-

зволило бы вобрать в себя все самое ценное и реально работающее из нынешнего договора.

В своем заявлении от 20 июня 2009 г. российский президент позитивно оценил переговорный старт, назвав его хорошим. Сам разговор он охарактеризовал как серьезный и предметный. Наша задача – выйти к концу 2009 г. на новый договор.

В Хельсинки и Амстердаме Д.А. Медведев дал четкие ориентиры российским переговорщикам относительно тех проблем, развязки которых они должны найти с американскими коллегами.

В ходе дальнейших переговоров принципиальное значение будет иметь учет взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. Реального прогресса в деле ядерного разоружения не добиться в условиях его подрыва путем одностороннего развертывания глобальной системы ПРО. Такое развитие чревато эрозией стратегической стабильности и разбалансировкой режима сдержек и противовесов, обеспечивающих глобальное равновесие. В духе открытости мы предлагаем конструктивную альтернативу односторонним планам в области противоракетной обороны – объединение усилий всех государств, заинтересованных в противодействии потенциальным ракетным угрозам. Наше пакетное предложение о налаживании стратегического сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами остается на столе переговоров.

Нужны конкретные договоренности о неразмещении оружия в космосе, о недопустимости переоснащения неядерных СНВ конвенциональными боеголовками, о прекращении наращивания обычных вооружений. Без развязок по этим проблемам трудно рассчитывать на устойчивое и последовательное развитие процесса ядерного разоружения.

При всей важности российско-американских договоренностей в стратегической сфере сводить только к ним проблему ядерного разоружения было бы упрощением. Мы рассчитываем, что на Обзорной конференции по ДНЯО 2010 г. состоится откровенный разговор о том, какой дополнительный вклад в этот процесс могут внести другие ядерные государства – члены Договора. Важно, чтобы уже в обозримой перспективе они могли бы постепенно присоединиться к усилиям, предпринимаемым Россией и США.

Не за горами и время, когда нужно будет подумать о вовлечении в разоруженческий процесс других стран, обладающих ядерным арсеналом, помимо так называемой официальной ядерной пятерки. Невозможно представить ситуацию, когда обладатели ядерного оружия, члены ДНЯО, будут разоружаться, а другие, не имеющие соответствующих договорных обязательств, продолжают сохранять и наращивать военный ядерный арсенал. Также считаем недопустимым попытку использовать свое участие в ДНЯО для реализации своих военных ядерных программ.

Разумеется, есть задачи и для Конференции по разоружению (КР), где мы могли бы продолжить коллективный разговор о перспективах ядерного разоружения. Обнадёживают последние подвижки на КР, где недавно была одобрена программа. Правда, ситуация напоминает опыт работы на КР, который был 10 лет назад. В конце работы конференции была принята программа работы. Мы воодушевленно приступили к, казалось бы, начальному этапу переговорной работы и уперлись в то, что в январе надо было подтверждать решение о продолжении переговоров. Как бы не повторилась ситуация десятилетней давности на КР.

Россия выступает за скорейшее начало на КР переговоров по ЗПРМ. Условия для этого существуют. Мы будем предлагать на Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. подтвердить важность такой работы в Женеве в качестве очередного шага в деле ядерного разоружения и укрепления режима ядерного нераспространения.

Еще одним важным фактом, способствующим поступательному движению в сторону *ядерного нуля*, остается скорейшее вступление в силу ДВЗЯИ. Россия ратифицировала этот Договор в 2000 г. и последовательно предпринимает усилия по обеспечению его скорейшего вступления в силу. Соблюдение моратория на ядерные испытания при всей важности этой меры не может иметь юридических обязательств, вытекающих

из ДВЗЯИ. Мы рассчитываем, что все страны, от которых зависит вступление в силу этого Договора, подпишут и ратифицируют его как можно скорее. Мы воодушевлены теми сигналами, которые поступают сегодня из Вашингтона о готовности администрации агрессивно работать в пользу ратификации ДВЗЯИ. Но если даже завтра США ратифицируют, к примеру, ДВЗЯИ – это не будет означать, что Договор послезавтра вступит в силу. Переговоры с коллегами из стран Южной Азии показывают, что государства, находящиеся в том регионе, еще далеки от того, чтобы принять какое-либо принципиальное решение в пользу ратификации этого Договора.

Одним из ключевых факторов, способствующих устойчивому и последовательному развитию процесса ядерного разоружения, является укрепление режима ядерного нераспространения. Много сделано для создания эффективной и страховочной сети предотвращения попадания ядерного оружия и ядерных материалов в руки негосударственных субъектов, в первую очередь террористов. Это и принятие Резолюции 1540 СБ ООН, и запуск российско-американской инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма, и совместная деятельность в рамках режима экспортного контроля – укрепление контрольной деятельности МАГАТЭ. Но еще гораздо больше нам всем предстоит сделать. Подтверждением этого являются результаты работы Комитета 1540. Далеко не все страны, после того как пять лет тому назад была принята эта Резолюция, предоставили свои первые доклады о том, как они создали национальную систему мониторинга за товарами и технологиями, которые могут быть использованы для производства оружия массового уничтожения. В рамках российско-американской инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма участвуют всего лишь 76 государств. Вопрос – а где остальные? И почему другие государства сегодня не принимают участия в этой, казалось бы, очевидной работе?

Остаются нерешенными вопросы иранской и северокорейской ядерных программ. Настораживает, что пока трудно обозначить временные ориентиры, в рамках которых возможно достижение политико-дипломатического урегулирования этих проблем.

Необходимы реальные шаги по созданию зон, свободных от ядерного оружия. На Ближнем Востоке мы далеки от того, когда могли бы сказать, что в этом регионе может быть создана зона, свободная от оружия массового уничтожения и средств его доставки. В связи с этим Россия на третьем Препкоме выдвинула предложение, как начать подготовительный процесс создания вот такой зоны на Ближнем Востоке. И было очень приятно, когда *ядерная пятерка* практически в полном составе поддержала нашу инициативу. К удивлению, достаточно быстро поддержал наши инициативы Европейский Союз.

Есть и другие проблемы в области как ядерного разоружения, так и ядерного нераспространения в целом. Но это тема для отдельного разговора. Российские эксперты готовы к серьезному разговору со всеми коллегами по проблемам ядерного разоружения и нераспространения. Мы очень рассчитываем, что в 2010 г. на Обзорной конференции мы сможем согласовать пакет конкретных мер в области ядерного разоружения, ядерного нераспространения и мирного использования ядерной энергии.

НАНДАН УННИКРИШНАН (ФОНД OBSEVER, ИНДИЯ): Ядерное разоружение вновь превратилось в одну из основных тем международной политики. Благодаря четырем уважаемым американцам – Уильяму Перри, Генри Киссинджеру, Джорджу Шульцу и Сэму Нанну – удалось вдохнуть новую жизнь в идею безъядерного мира.

Индийский премьер-министр Раджив Ганди высказал эту идею в своем обращении к ООН еще в июне 1988 г. Более того, он предложил план действий, состоявший из четырех основных пунктов: юридически обязательная договоренность между всеми государствами о полном уничтожении ядерного оружия до 2010 г., проводимом в три этапа; все ядерные государства должны включиться в процесс ядерного разоружения, но при этом в процессе должны участвовать и все остальные страны; на каждом из трех этапов должно быть существенное продвижение к окончательной цели, чтобы продемонстрировать серьезность намерений и укрепить доверие; изменение доктрин, стратегий и политических установок с целью поддержания безъядерного статуса в масштабах

всего мира. Раджив Ганди также выступил за создание Всеобъемлющей глобальной системы безопасности под эгидой ООН.

Основная суть этих предложений к тому времени уже была отражена в Делийской декларации о принципах безъядерного и ненасильственного мира, подписанной в 1986 г. Радживом Ганди и М.С. Горбачевым.

Но мир в то время явно не был готов к таким предложениям. Именно поэтому Раджив Ганди с очевидным сожалением сказал на заседании ООН следующее: «Сами по себе мы не имеем ни малейшего желания обладать ядерным оружием. Но если по тактическим соображениям в интригах супердержав позволено отодвигать на второй план жизненную необходимость ядерного нераспространения, то какой у нас остается выбор?»

Такое отсутствие реакции на искренний призыв Раджива Ганди, скорее всего, являлось отражением существовавших между Индией и другими ядерными державами разногласий относительно увязки разоружения с контролем над вооружениями.

Западные эксперты часто упрекают Индию в том, что она уделяет излишнее внимание недостаткам процесса контроля над вооружениями вместо того, чтобы использовать этот процесс для продвижения идеи ядерного разоружения. Однако эти эксперты не до конца понимают ситуацию. Индия разделяет стремление к цели ядерного разоружения. Тут никаких разногласий нет. Но дело в том, что один лишь процесс контроля над вооружениями приблизить достижение этой цели не сможет, если только не будут согласованы четкие, конкретные и недвусмысленные этапы сокращения численности вооружений в качестве дорожной карты к полному ядерному разоружению.

Джавахарлал Неру, первый премьер-министр Индии, предложил в 1954 г. соглашение о замораживании ядерных испытаний. Фактически он предлагал ввести запрет на ядерные испытания, однако для Неру это был лишь первый шаг к конкретной цели полного ядерного разоружения. Сегодня у нас есть ДВЗЯИ. Но даже если он вступит в силу, он все равно продемонстрирует, что договоренность, основанная на принципе контроля над вооружениями, а не на четких этапах разоружения, не приближает нас к цели безъядерного мира. Те же самые проблемы сейчас очевидны и с ДНЯО. Пока ядерное оружие воспринимается как средство укрепления своего международного влияния, достижение цели ядерного разоружения остается крайне маловероятным. Чтобы идея безъядерного мира стала реальностью, ядерное оружие нужно поставить вне закона.

Иными словами, позиция Индии заключается в том, что логика контроля над вооружениями в современном мире превращает меры этого контроля в самоцель. Если такие меры не являются этапами долгого и трудного пути к полному ядерному разоружению, то к безъядерному миру они нас никогда не приведут.

Это подводит нас к текущей международной ситуации. Мир сейчас столкнулся с множеством новых угроз и опасностей. В первую очередь, это опасность попадания ядерных материалов и устройств в руки террористов и негосударственных игроков. Эпизод с сетью Абдул Кадыр Хана показывает всю сложность связанных с этим вопросов, а также ответственность некоторых ведущих государств за распространение ядерных технологий. Кроме того, многие государства работают над программами развития уже имеющихся у них ядерных технологий. А генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед Эльбарай недавно выступил с предупреждением о том, что в скором будущем может появиться почти 30 новых *виртуальных ядерных держав*.

Возвращаясь к вопросу о том, насколько реально заручиться всемирной поддержкой идеи ядерного разоружения, хочется выразить сомнение в том, что ядерные державы, за исключением США, в ближайшем будущем согласятся на уничтожение своих ядерных арсеналов. К примеру, в Азии сейчас развернулась ядерно-ракетная гонка. Гонка эта в скором времени не приостановится. Такая ситуация может вынудить Индию скорректировать свою позицию относительно переговоров по контролю над вооружениями. Индии, возможно, не удастся избежать участия в таких переговорах. В частности, если Индии и Китаю удастся поставить на службу ядерное оружие морского базирования,

то необходимость в мерах по укреплению доверия между ними резко возрастет. Кроме того, учитывая текущую ситуацию в регионе, Индии придется выработать свою позицию и по противоракетной обороне.

Несмотря на все это, сегодня интерес к идее ядерного разоружения намного сильнее, чем в любой период за последние 30 лет. Такая положительная динамика не должна быть утеряна.

Некоторые индийские эксперты считают, что одним из способов сохранения этой динамики является призыв к подписанию конвенции о ядерном оружии. Успех Конвенции по запрещению химического оружия дает надежду на то, что добиться воплощения в жизнь конвенции по ядерному оружию будет даже легче. Необходимо поддерживать и развивать так называемый принцип *ядерного табу*.

Необходимо также предпринять такие шаги, как делегитимизация ядерного оружия, внесение изменений в ядерные доктрины с целью отражения принципа ненападения, понижение статуса боеготовности ядерного оружия, а также внедрение мер по укреплению доверия между странами, которые обладают ядерным оружием, но пока что не обсуждают эти вопросы между собой.

Понадобится большое политическое мужество для того, чтобы государства начали рассматривать ядерное разоружение как глобальную задачу, которая имеет приоритет над задачами национальными. Мир уже учится работать сообща над такой общей проблемой, как изменение климата. Пора начать рассматривать и ядерное разоружение как общую цель, которая укрепит всеобщую безопасность.

Р.М. ТИМЕРБАЕВ (ПИР-ЦЕНТР): Хотелось бы немного сказать по вопросу запрещения производства оружейных расщепляющихся материалов. Это проблема немолодая. Ей больше 50 лет. Впервые она появилась еще в 1950-е гг. Ее выдвинули США, которые имели безусловное преимущество перед Советским Союзом по количеству таких материалов. И ответ наш был, естественно, что мы готовы пойти на ЗПРМ, но вместе с уничтожением всего ядерного оружия. То есть мы тогда увязали прекращение будущего производства с уничтожением существующих и оружия, и запасов.

На этом переговоры были прекращены. Потом несколько раз были попытки возобновить. И сейчас, в 2009 г., как будто бы вновь возрождается интерес к этому вопросу. А интерес этот вполне понятный, потому что это рациональный, логичный путь к ядерному разоружению. Причем путь к многостороннему ядерному разоружению, так как в соглашении, которое, возможно, будет достигнуто, должны принимать участие не только ядерные державы – официальные и неофициальные, но и другие страны, которые имеют соответствующие возможности.

Ввиду большого количества трудно решаемых проблем нужно сформулировать и принять базовый договор, в котором определить основные обязательства, обязательства о контроле, имея в виду, что конкретные соглашения, конкретные процедуры контроля будут в определенные сроки в дальнейшем выработаны. Так было уже и в прошлом. ДНЯО именно на этом и основан, потому что статья III Договора предусматривает заключение соглашения между той или иной страной и МАГАТЭ в определенный срок. И в будущем договоре надо прописать срок. Но иногда сроки трудно выполняемы. Вот страны ЕВРАТОМа: когда был подготовлен вариант соглашения со странами в 1971 г., оно вступило в силу только в 1979 г., хотя должно было это произойти через 18 мес. К этому отнеслись с пониманием. Поэтому нужен базовый договор с обязательствами заключить в те или иные сроки контрольные соглашения, которые могут потребоваться.

Реальное нераспространение возможно только при соблюдении статьи VI ДНЯО. Это уже стало всем очевидно. За те годы, что прошли с принятия Договора, появились новые угрозы, а значит, статья VI плохо работает, хотя прилагаются адские усилия для ее выполнения. Сейчас США и Россия готовят новое соглашение, но этого недостаточно. А вот ЗПРМ – этот вклад в дело выполнения статьи VI ДНЯО и тем самым в дело нераспространения.

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): Мы находимся в ситуации, когда открылось определенное окно возможностей: новая американская администрация готова к переговорам. И это окно возможностей, если им правильно не воспользоваться, может закрыться надолго, а может быть, и навсегда. Хотелось бы сегодня больше говорить о сокращении ядерных вооружений, потому что *ядерный ноль* не видно пока даже в отдаленной перспективе. Но главное – движение. Многим политическим деятелям ведущих государств придется найти в себе силы и большое мужество по дороге к этому *нулю*, преодолеть узкоэгоистические подходы к обеспечению своей национальной безопасности. Если этого не произойдет, то ни о каком *ядерном нуле* говорить будет невозможно.

Сегодня не видно ни воли у политических лидеров, ни ясного представления у экспертов и военных о том, как и сколько придется идти к этому положению, которое теперь называют *ядерным нулем*. Сейчас принято одно выражение – *дорожная карта*. Эта *дорожная карта* в какой-то степени является термином *короткоиграющим*. Им стали прикрывать отсутствие крупных и проработанных идей. А вот есть *дорожная карта* на Ближнем Востоке, в переговорном процессе с США. Там все ясно – пять-шесть пунктов, которые настолько банальны, что их и не нужно изобретать, только договориться и исполнять. Но, тем не менее, есть такая *дорожная карта*, документ, по сути, полезный, поскольку позволяет дисциплинировать мысль, и эта мысль приобретает, в конце концов, какое-то материальное воплощение.

Дорожная карта должна быть не только у России и США – европейским ядерным странам и Китаю не нужно дожидаться, когда мы перейдем к какому-либо пункту. Почему они не могут иметь свою *дорожную карту* параллельно той *карте*, которая имеется у США и России, и двигаться согласно этой *карте*? В эту *дорожную карту* можно внести пункты, которые бы делали транспарентными их ядерные силы на том уровне, на котором существует транспарентность ядерных сил России и США. Это означало бы ежегодные уведомления о составе, количестве и типах боевых ядерных устройств, местах расположения объектов по производству ядерных вооружений. Это означало бы готовность к ведению определенного, пусть пока упрощенного верификационного режима. Вот это был бы вклад! А так, когда мы куда-то придем, они будут только начинать этот процесс. Надо этот процесс ввести уже сейчас. И в этом большая задача.

Ситуация осложняется тем, что в мире существует ряд неофициальных *де-факто* ядерных государств. Эти государства фактически пока никак не ограничивают себя никакими правилами и нормами. Они не участвуют в ДНЯО – возникает проблема, как сделать ДНЯО универсальным договором. И эту проблему пока никто не решает, а напротив, дают послабления некоторым государствам в контексте этого Договора, у которого есть серьезные требования к отдельным вопросам. В частности, по проблеме Группы ядерных поставщиков и т.п. Мировое сообщество могло бы коллективно предложить этим странам, *во-первых*, сейчас уже раскрыть свои ядерные потенциалы, дав уведомление об их составе, количестве и типах ядерных боевых устройств, местах расположения объектов по производству. *Во-вторых*, эти страны могли бы принять на себя обязательства о замораживании, но только после того, как они дадут цифры количества объявленных ранее ядерных вооружений, и о прекращении производства новых. *В-третьих*, движением вперед могло бы стать принятие этими странами обязательств об их готовности придерживаться требований ДНЯО, ДВЗЯИ и других международных документов и в последующем их согласие (еще даже до вступления в эти договоренности) к принятию на себя обязанностей по верификационным режимам. Тогда они будут идти нога в ногу со всем остальным миром, который будет идти стройными рядами к *ядерному нулю*.

ДНЯО должен стать универсальным документом, как универсальным документом должны стать и договоренности по режиму контроля за ракетными технологиями. Хотим мы этого или не хотим, но там основная взаимосвязь: ядерное оружие – средство доставки. Но РКРТ – это сейчас клуб избранных, и Россия ничего не делает, чтобы по-настоящему превратить его в международное сообщество. Поэтому это еще один шаг.

Мы говорим о необходимости ратификации ДВЗЯИ. Но ядерное оружие будет существовать еще очень долго. Основные игроки не проводили ядерных испытаний очень давно. Россия уже почти 20 лет не проводила ядерных испытаний. Боезапас стареет. Луч-

шей проверки, чем испытание, не бывает. При окончательном оформлении ДВЗЯИ основным игрокам – России, США, возможно, Китаю – можно было бы позволить раз в семь-десять лет проводить проверочные одно-два испытания, чтобы убедиться в нормальном состоянии еще сохраняющегося ядерного боезапаса. Потому что никому не нужен безъядерный мир, если произойдет что-то, что мы с вами не мыслим. Поскольку мы долго будем идти к безъядерному миру, нам нужно сделать какие-то демпфирующие шаги, чтобы можно было бы спастись.

У каждого государства есть свой взгляд на обеспечение национальной безопасности. И как она будет обеспечиваться в отсутствие или при сильном сокращении ядерного оружия – это большой вопрос. Идти к этому надо не на ощупь, как по болоту, и не полагаясь на обещания и заверения наших руководителей и чиновников. Мы должны создать совместные группы экспертов, прежде всего, США и России, которые бы просмотрели этот длительный путь, которые смогли бы определить настоящие болевые точки каждого из участников, чтобы не наступать на них. И вот тогда только у нас могут быть договоренности и будет доверие двигаться дальше к безъядерному миру. Это не вопрос *дорожной карты* завтрашнего дня, а долгосрочная, грамотная, профессиональная работа экспертов, которые могли бы помочь госслужащим и правительствам найти правильное решение.

А.А. МАЛЫГИНА (СПБГУ): Разработка ДНЯО – это пример того, как на международном уровне были заложены основы механизма регулирования развития научно-технического прогресса. Развитию военно-технической составляющей ядерной науки были положены пределы, а мирным атомным проектам был дан *зеленый свет*. Более того, странам, добровольно отказывавшимся от применения ядерных технологий в военной сфере, предоставлялись привилегии, способствовавшие более активному освоению мирного атома. В доатомный период мировой истории трудно найти пример, когда государство добровольно ограничивало себя в использовании того или иного технического средства в качестве оружия, если было уверено, что это принесет победу. Формирование режима ядерного нераспространения стало результатом того, что ряд государств для обеспечения своей безопасности намеренно отказались от обладания определенным видом оружия.

Наличие ядерного оружия обуславливает сдержанность поведения ведущих игроков, что само по себе является стабилизирующим фактором в мировой политике. Однако эта стабилизирующая роль ведет, скорее, к консервированию существующих проблем, нежели к их решению. Ядерное сдерживание по своей сути может быть обращено против государственного игрока, в то время как новые угрозы международной и национальной безопасности, которые множатся с каждым годом, преимущественно имеют негосударственный характер. Становится все более очевидным, что существование ядерного оружия в условиях трансформации системы международных отношений не столько укрепляет международную безопасность, сколько многократно усложняет решение ключевых вопросов, усиливая дестабилизирующий характер глобальных проблем.

Вместе с тем ядерное оружие – это лишь средство реализации стратегии сдерживания. Суть полемики о том, отказываться или нет от ядерного оружия и что в случае отказа может его заменить, сводится к поиску иных средств сдерживания. Однако положение о том, что сдерживание является неременным условием обеспечения международной стабильности, не столь уж очевидно. То, что сдерживание просуществовало почти полвека и не дало осечку, может означать не только то, что оно работает, но и то, что оно вообще не работает.

Для поиска новых подходов к пониманию значения ядерного разоружения важно уделить должное внимание изучению того контекста, который создает существование ядерного оружия. Если вектор развития, заданный технократической парадигмой, в условиях существования ядерного оружия привел к системному кризису, то, очевидно, необходимо если не кардинально менять курс дальнейшего развития (человечество встало на путь технического развития, и отказ от техники в принципе невозможен), то хотя бы корректировать базовые представления, на которых строится система международной безопасности.

Отказ от химического и биологического оружия происходит в том числе и потому, что угрозы, проистекающие из самого факта существования этих видов ОМУ, превышают потенциальные выгоды от обладания ими. В отношении ядерного оружия эта логическая связка пока менее очевидна. Ядерное оружие за долгие десятилетия своего существования было мифологизировано и эстетизировано. Оно стало неотъемлемым символом мощи государства, доказательством высокого уровня его развития, обрело мощный потенциал психологического воздействия на потенциального противника.

На сегодняшний день для тех государств, которые решили создать собственное ядерное оружие, не существует непреодолимых преград. Правовые и политические барьеры, которые международное сообщество начало активно создавать с середины 1950-х годов, могут лишь значительно осложнить задачу создания ядерных сил. Но история показывает, что государство с высоким уровнем мотивации способно успешно преодолеть эти барьеры. Кроме того, в современных условиях базовые знания о создании простейших ядерных взрывных устройств доступны широкому кругу специалистов по всему миру. Даже если уничтожить все ядерное оружие на Земле, нет гарантии, что оно не будет *изобретено* вновь и произведено. Тот же принцип действует и в отношении отдельных государств. Если с помощью военной силы принудить государство отказаться от создания ядерного оружия и уничтожить военную составляющую его национального ядерного комплекса, нет никаких гарантий, что через восемь-десять лет государство не восстановит свои технологические способности.

Если рассуждать о дополнительных стимулах для ядерного разоружения, то их необходимо искать в корректировке социально-политических оценок и смене мировоззрения национальных политических элит. В постиндустриальном мире усилия по укреплению режима нераспространения должны воздействовать на волю международных игроков использовать ядерные технологии в военных целях. Чтобы государство не стремилось обладать ядерным оружием, нужно, в первую очередь, обращать внимание на причины, побуждающие его использовать атомную энергию в военных целях. Поскольку в условиях информационной революции и глобализации практически невозможно остановить распространение знаний и технологий, решение проблем ядерного нераспространения должно базироваться не только на ужесточении барьеров для распространения материалов и техники. Крайне важно сконцентрировать усилия мирового сообщества на том, чтобы сделать международную среду менее взрывоопасной и конфликтогенной.

М.Н. ЛЫСЕНКО (РОСАТОМ): Хотелось бы рассказать о тех приоритетах, которые ставит перед собой Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом* в работе ядерного разоружения и нераспространения. Эта работа строится по нескольким направлениям.

Во-первых, реализуя межправительственные соглашения, мы уже вносим конкретный вклад в ликвидацию запасов расщепляющихся материалов оружейного качества. К примеру, соглашение с США по ВОУ-НОУ. К настоящему времени переработано и поставлено в США 353 т высокообогащенного урана (ВОУ) из 500 т, предусмотренных этим соглашением, переведенных в низкообогащенное топливо (НОУ). Если применить к этому известные расчеты МАГАТЭ, согласно которым значимым количеством ядерного материала, достаточного для изготовления ядерного взрывного устройства, является 25 кг урана, обогащенного выше 20%, и 8 кг плутония, то простая школьная арифметика покажет, что из 350 т ВОУ можно было бы изготовить свыше 16 тыс. ядерных боезарядов. А если мы подсчитаем все 500 т, которые предусмотрены соглашением, то этого было бы достаточно для производства около 20 тыс. ядерных боеприпасов. Можно сделать и другой перерасчет: запас в 500 т, переведенный в НОУ, эквивалентен производству 10 млрд МВт/ч электроэнергии.

Другое соглашение – Соглашение с США об утилизации избыточного оружейного плутония – предусматривает утилизацию нашими странами по 34 т оружейного плутония в гражданской ядерной энергетике. Это эквивалентно уничтожению суммарно для обеих сторон, если считать по системе, приведенной выше, 8500 тыс. плутониевых ядерных боезарядов.

Еще одно соглашение – Соглашение об остановке реакторов – наработчиков плутония. В 2009 г. мы практически остановили последний из трех российских реакторов – наработчиков оружейного плутония, тем самым завершив успешную многолетнюю работу совместно с США. Причем мы сделали это досрочно, поскольку изначально такая остановка планировалась на 2010 г. Разумеется, условием остановки этих реакторов стало строительство тепловых станций для снабжения сибирских регионов тепловой электроэнергией.

Во-вторых, Росатом осуществляет вывоз из-за рубежа отработавшего ядерного топлива исследовательских реакторов советского производства. Есть целая программа в соответствии с договоренностями с МАГАТЭ, США и другими странами. Она охватывает 14 стран, и на сегодня в Россию вывезено порядка 900 кг топлива. В этой программе задействовано 20 российских организаций. Причем во многих случаях взамен вывезенного топлива мы в ряд стран поставляем НОУ в процессе конверсии исследовательских реакторов на работу с низкообогащенным урановым топливом.

В-третьих, мы работаем по многосторонним инициативам в области ядерного топливного цикла. Здесь мы продолжаем реализацию российской инициативы по созданию глобальной инфраструктуры ядерного топливного цикла, в рамках которой осуществляется проект создания Международного центра по обогащению урана в Ангарске. Проект состоит в том, что Россия предложила создать на своей территории и за счет собственных ресурсов физический запас НОУ для обеспечения гарантированных поставок ядерного топлива в государство – члены МАГАТЭ. Сегодня мы отработали с секретариатом МАГАТЭ базовый проект двустороннего соглашения по созданию этого запаса. Кроме того, разработано базовое соглашение, которое будут заключать МАГАТЭ со страной – получателем такого топлива. И это вопрос будет обсуждаться на сентябрьской встрече Совета управляющих МАГАТЭ. Есть надежда, что там этому проекту будет дан зеленый свет.

Есть также различные предложения других стран на этот счет, в частности, предложение США о создании банка топлива, предложение Германии и ряд других. Мы рассматриваем их не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга и приветствуем соответствующие инициативы, которые уже выдвинули или еще могут выдвинуть другие государства.

В-четвертых, мы работаем над реализацией экспериментальных, промышленных и научных проектов в интересах создания устойчивых к распространению ядерно-энергетических систем, прежде всего реакторных технологий следующего поколения. Здесь можно выделить проект быстрых реакторов с натриевым теплоносителем. Мы придаем ему большое значение. Сейчас идет работа по созданию такого энергоблока, называется он *БН-800* в составе Белоярской атомной электростанции. Он будет работать на уран-плутониевом топливе, то есть здесь будет обеспечен замкнутый топливный цикл. И ввод в эксплуатацию этого объекта намечен на 2014 г.

Высокотемпературные газоохлаждаемые реакторы являются базовым элементом водородной энергетики. Она обещает внедрение ядерной энергии в наиболее кризисную сферу мирового энергетического рынка – производства моторного топлива. Эта технология планируется к разработке в более отдаленной перспективе – к 2030 г.

ИТЭР – международный экспериментальный термоядерный реактор, основанный на использовании управляемой термоядерной реакции. Расчетная мощность его – до 500 МВт. Он предполагает самообеспечение топливом и не предполагает какого-либо распространения расщепляющихся материалов, поскольку они там просто не используются. К 2018 г. предполагается получить управляемую термоядерную реакцию. Следующая веха – это достижение уровня мощности в 1 ГВт на термоядерной электростанции к середине текущего столетия. И, наконец, создание промышленной системы, которая может иметь мощность до и более 100 ГВт к концу XXI в. Сейчас этот проект активно разрабатывается международным сообществом. Сроки все условные, но в теории, по крайней мере, все расчеты уже сделаны.

В-пятых, под эгидой МАГАТЭ по российской инициативе реализуется международный проект по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам. В нем участвуют

30 стран, идет он поэтапно. Первый шаг уже сделан – разработана методология, которая поможет принять странам стандартизированные решения для развития атомной энергетики, учитывая такие вопросы, как нераспространение и ядерная и физическая безопасность, обращение с радиоактивными отходами, отработавшим топливом, окружающая среда и т.д. Проект активно рассматривает варианты создания малых мобильных передвижных ядерных систем. Он очень многогранен.

Большое значение имеет сотрудничество в развитии атомной энергетики. Уникальным здесь является российско-американское межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. В нем впервые в постсоветский период прописаны рамки равноправного технологического партнерства России и США. Соглашение отражает глобальную миссию двух ядерных держав – не только сокращать и контролировать ядерные вооружения, но и использовать ядерные технологии и материалы в мирных целях, как на двусторонней основе, так и в третьих странах.

Соглашение 123 уникально своим охватом – оно предусматривает сотрудничество практически по всему спектру ядерного топливного цикла, включая реакторные технологии, торговлю ядерными материалами, движение информации, технологий, товаров и т.п., как на двусторонней основе, так и с выходом на рынки третьих стран. В частности, Соглашение прочерчивает перспективы промышленного технологического взаимодействия, сотрудничества по переработке ядерного топлива, а также способствует объединению усилий в области технологий быстрых реакторов в интересах создания замкнутого топливного цикла для обеспечения практически неисчерпаемой ресурсной базы ядерной энергетики и кардинального решения проблемы нераспространения.

Соглашение открывает двери для научного сотрудничества между российскими и американскими лабораториями, в частности, в рамках инициатив по созданию реакторов нового поколения.

Из-за возникших в США проблем с ратификацией Соглашения в депутатском корпусе России, политических кругах, исследовательском сообществе активно дебатировался вопрос: а готовы ли мы *прожить* без Соглашения 123? В силу указанных причин невступление Соглашения в силу обернулось бы существенной потерей, прежде всего упущенной долгосрочной выгодой для обеих стран, хотя объективно мы сможем без него *прожить*, ибо российская атомная отрасль самодостаточна.

Последующие шаги в области ядерного разоружения и нераспространения должны быть следующими: скорое начало переговоров в Женеве на Конференции по разоружению по ЗПРМ для целей оружия; продолжение и скорейшее завершение переговоров по договору, который пойдет на смену Договору СНВ-1; завершение вывоза ВОО с исследовательских реакторов за рубежом и их конверсия на работу с НОУ; реализация упомянутых многосторонних проектов, направленных на вовлечение плутония в замкнутый топливный цикл и создание таких циклов; стимулирование в целом международно-сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

За полгода, начиная с января 2009 г. и по сегодняшний день, Росатом подписал семь межправительственных соглашений с разными странами. Четыре из них – рамочные межправительственные соглашения с Японией, Иорданией, Белоруссией и Нигерией. С Белоруссией сейчас мы участвуем в переговорах по второму этапу в подготовке соглашения, которое предполагает строительство атомной станции. Кроме того, мы подписали межправительственное соглашение с Сербией и Румынией по вывозу топлива с исследовательских реакторов из этих стран. И достигли межправительственной договоренности с Украиной о ее присоединении к Международному центру по обогащению урана в Ангарске. Работа продолжается.

Примечание

¹ Дискуссия состоялась на конференции «Многосторонние подходы к ядерному разоружению: планируя следующие шаги», организованной ПИР-Центром 3 июля 2009 г. при финансовой поддержке Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI) и МИД Норвегии.